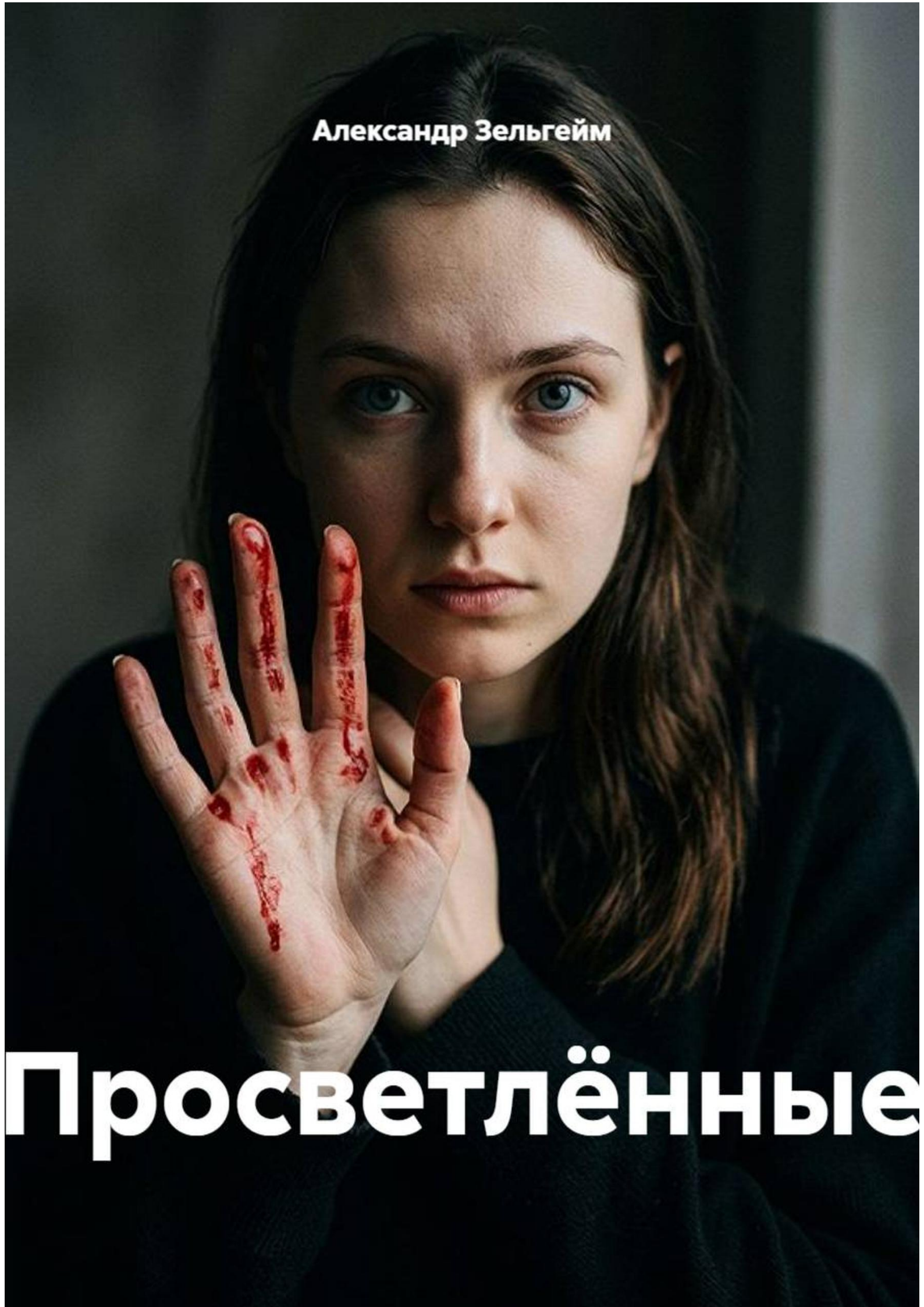

Александр Зельгейм
Просветлённые

Александр Зельгейм

Просветлённые

«Автор»
2026

Зельгейм А.

Просветлённые / А. Зельгейм — «Автор», 2026

«Просветлённые» — это история о том, как трудно отличить помощь от власти, а дар — от проклятия.Вера возвращается в «Новый Круг» — место, откуда пять лет назад сбежала. Официально — как исследовательница. На самом деле — чтобы понять, почему до сих пор чувствует чужой страх в собственной ладони.Её встречает Матвей — гуру с реальным, но мелким даром. Человек, который искренне верит в свою миссию и одновременно продаёт её по прайсу. Он предлагает Вере стать его преемницей. Она не верит в «энергии» и «потоки», но не может отрицать то, что происходит с ней самой.Сатира на индустрию «просветления» здесь соседствует с мистикой, которая не даёт готовых ответов. А финал оставляет открытым главный вопрос: что делать с даром, который нельзя ни доказать, ни выбросить?

© Зельгейм А., 2026
© Автор, 2026

Александр Зельгейм
Просветлённые

От автора

Эта книга не научит вас медитировать.

Она не откроет вам чакры, не выровняет энергии и не объяснит, почему вы до сих пор не богаты, не здоровы и не счастливы. Если вы искали ответы — их тут нет. Тут есть вопросы. В основном неудобные. И задавать их придётся не мне, а тем, кто обещает, что после их семинара ваша жизнь изменится за три дня. С гарантией. По предоплате.

Я не против чеков. Любому пространству нужно на что-то существовать. Если это приносит благо — это тоже труд. И энергия. И время, которое кто-то мог бы потратить иначе. Я против обмана. Против мошенничества. Против пустых обещаний, за которые берут деньги и не дают ничего, кроме красивого слова «пространство».

Я не против духовности. Я против лжи, которая притворяется духовностью.

Все персонажи вымышлены. Совпадения случайны. Цены — нет.

Эта история — о людях, которые ищут смысл. И о людях, которые научились на этом зарабатывать. Иногда это одни и те же люди. Иногда — разные. Иногда — вы. Но об этом мы поговорим позже.

А пока — автобус. Ночь. Женщина у окна. Она возвращается туда, откуда когда-то сбежала. И улыбается. Чему — вы узнаете не сразу. Я тоже не сразу.

Пролог

Автобус пах мокрой шерстью, дизелем и чьим-то бутербродом с колбасой. Вера сидела у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как за окном размазываются огни заправок, придорожных кафе и редких фонарей. Дорога была длинной, тряской, с остановками в местах, названия которых ничего не говорили. Как и большинство остановок в её жизни.

Она не спала. Пыталась — но сон не шёл. В голове крутилась одна и та же картинка: пять лет назад, та же дорога, только в обратную сторону. Тогда она ехала в город, сжимая в руках рюкзак, и ей казалось, что она спасается. От чего — она не могла сформулировать. От людей, которые слишком много знают о её боли. От тишины, в которой слишком хорошо слышно себя. От запаха ладана и дешёвого ковролина. От ощущения, что её кто-то держит за руку — и она не может убрать ладонь.

Сейчас она ехала обратно. И улыбалась.

Улыбка была странная — не радостная, не злая. Скорее удивлённая. Как будто она сама от себя не ожидала. Пять лет она убеждала себя, что это было ошибкой. Что её обманули. Что «просветление» — это красивое слово для групповой истерики. Она даже написала об этом статью. Небольшую, в научно-популярном журнале. Аккуратную. С цифрами и ссылками. Там всё было логично: изменённые состояния сознания, эффект плацебо, групповая динамика, харизматическое лидерство. Читалось убедительно. Она сама почти поверила.

Почти.

Потому что оставалось одно «но». Маленькое, как заноза. Иногда, в самые неподходящие моменты — в метро, в очереди, в постели с мужчиной, чьё имя она уже забыла, — она вдруг чувствовала чужой страх. Не метафорически. Не «мне показалось, что ему плохо». А так, будто кто-то вложил ей в ладонь холодный камень, и она знает, что это не её камень. И знает, что он — чужой.

Она никому об этом не говорила. Ни разу. Даже себе — вслух.

Автобус дёрнулся на повороте. Попутчик справа, мужчина в клетчатой рубашке, читал книгу. Вера скосила глаза: «Как стать гуру за 30 дней. Практическое руководство». На обложке — улыбающийся человек в белых одеждах, с глазами, в которых не было ни одной мысли, зато было много света. Вера смотрела на обложку секунды три. Потом не выдержала.

— Глава про совесть там есть? — спросила она.

Мужчина поднял голову. У него было доброе, усталое лицо.

— Что?

— Про совесть. Глава. Есть?

Он посмотрел на книгу, потом на неё. Пожал плечами.

— Не знаю. Я только начал.

— Если найдёте — скажите, — сказала Вера. — Мне для статьи.

Она отвернулась к окну. Отражение в стекле смотрело на неё устало и насмешливо. Тридцать четыре года. Тёмные волосы, стянутые в хвост. Глаза, которые слишком долго смотрели на людей и слишком редко — на себя. Пять лет назад отражение было другим. Моложе, испуганнее, с более широко раскрытыми глазами. Тогда она верила, что стоит протянуть руку — и её возьмут. Теперь она знала: протянешь руку — могут взять. Не факт, что поведут туда, куда ты хочешь.

Автобус повернул. За окном показался указатель: «Новый Круг — 2 км». Вера выдохнула. Медленно, как перед прыжком в воду.

Она возвращалась не за правдой. Она возвращалась за собой.

Акт I. Возвращение

Сцена 1. Вход

«Новый Круг» начинался с запаха.

Не с вывески — вывеска была скромной, деревянной, с выжженными буквами, и висела на воротах так, будто её стеснялись. Не с охраны — охраны не было, только шлагбаум, который поднялся сам, когда автобус проехал мимо. Не с людей — людей видно не было. Начиналось с запаха: ладан, что-то цветочное, синтетическое, вроде дешёвого кондиционера для белья, и под этим — сырость. Старая, въевшаяся сырость здания, которое давно не топили как следует.

Вера вышла из автобуса. Ноги сразу промокли — асфальт был мокрый, с лужами, в которых плавали жёлтые листья. Осень. Пять лет назад она уезжала весной. Тогда пахло сиренью и бензином. Сейчас пахло грибами, мокрой корой и дымом откуда-то из-за корпусов.

Она осмотрелась. Двухэтажное здание из светлого кирпича, бывший пионерлагерь или санаторий. Большие окна, кое-где с трещинами. На крыльце — коврик с надписью «Добро пожаловать домой». Коврик был грязный, с засохшей глиной. Вера посмотрела на него и подумала: «Домой. Ага».

На крыльцо вышла женщина. Лет тридцати восьми, в мягком сером свитере, с длинной юбкой и браслетами на обеих руках. Женщина улыбалась так, будто её лицо тренировали улыбаться отдельно от остального тела.

— Вера, — сказала она. Не спросила. Утвердила. — Мы тебя ждали.

Вера остановилась. Рюкзак на плече потяжелел.

— Меня? — переспросила она. — Я бронировала как исследователь. «Вера Николаевна, изучение практик работы с сознанием». Там, в заявке, было написано.

— Да, — кивнула женщина. — Но мы тебя узнали. Я — Лиза. Мы виделись. Пять лет назад. Ты, наверное, не помнишь.

Вера помнила. Не Лизу — Лизу она не помнила. Помнила ощущение: кто-то всё время стоял рядом, подавал воду, поправлял плед, говорил «всё идёт как надо». Тогда это казалось заботой. Теперь — работой.

— Помню, — сказала Вера. — Ты раздавала брошюры.

Лиза улыбнулась чуть шире.

— Я много чего раздаю. Пойдём. Матвей сказал, что ты приедешь. Он ждёт.

Вера не двинулась.

— Он сказал? Или он «почувствовал»?

Лиза не моргнула.

— Он сказал, что ты вернёшься. Это было в прошлом месяце. Мы как раз обсуждали новый ретрит. Он замолчал, посмотрел мимо меня — ты знаешь, как он смотрит, — и говорит: «Вера вернётся». Я спросила: «Когда?» Он сказал: «Когда будет готова». Вот и всё.

Вера хотела сказать что-нибудь остроумное. Про готовность, про ретриты, про то, что «готовность» — это удобное слово, чтобы не отвечать за сроки. Но вместо этого она почувствовала, как холодок прошёл по спине. Не от слов Лизы. От того, что она **поверила**. На секунду. Ровно на секунду, которой хватило, чтобы разозлиться на себя.

— Пойдём, — сказала она. — Покажешь прайс.

Лиза повела её внутрь. Коридор был длинный, с деревянным полом, который скрипел в определённых местах — Вера машинально отметила: третья доска от двери, седьмая, потом сразу две у стены. Стены были увешаны фотографиями. Групповые снимки: люди на ковриках, люди с закрытыми глазами, люди, обнимающие деревья. На одной фотографии Матвей стоял в центре, в белой рубахе, с поднятыми руками. Вера посмотрела на снимок и подумала: «Как дирижёр. Только оркестр невидимый».

На ресепшене — стойка из светлого дерева, за ней девушка с ноутбуком. Рядом с ней — коробка с прорезью и надписью от руки: «Пожертвования на развитие пространства». Чуть ниже — терминал для карт. Вера посмотрела на коробку, потом на терминал. Потом на Лизу.

— Пожертвования принимаете картой? — спросила она.

— Конечно, — сказала Лиза. — У нас всё для удобства.

— Это очень… современно. Раньше, помню, только наличными. И в конверте.

— Мы растём, — сказала Лиза. — Вот, смотри. Наши программы.

Она протянула ламинированный лист. Вера взяла. Прайс-лист был красивым: мягкие шрифты, фотографии росы на траве, капли на листьях. Под фотографиями — строки.

«Ретрит „Тишина“ — 45 000 #. Три дня. Практики молчания, сенсорной депривации, работы с телом».

«Ретрит „Глубокая тишина“ — 70 000 #. Пять дней. Всё то же, но без телефона и с индивидуальной консультацией Матвея».

«Ретрит „Абсолютная тишина“ — по запросу».

Вера прочитала вслух:

— «Абсолютная тишина. По запросу». Это как? Люди приезжают и просто исчезают?

Лиза засмеялась. Смех был искренний, но короткий, как будто включили и сразу выключили.

— Нет. Это индивидуальная работа. Матвей смотрит, что человеку нужно. Иногда это месяц, иногда — год. Всё зависит от глубины запроса.

— Глубины запроса, — повторила Вера. — А если у человека запрос недостаточно глубокий? Ему что, скидку дают?

— У нас есть ретрит для тех, кто не может позволить себе ретрит, — сказала Лиза. — Он дешевле. Но короче. Это тоже путь.

Вера посмотрела на неё. Лиза смотрела спокойно, мягко, с той самой улыбкой, которая, видимо, должна была означать «принятие». Вера подумала: «Если я сейчас скажу что-нибудь злое, она скажет: „Это про тебя, а не про меня“. И будет права. И это будет невыносимо».

— Ладно, — сказала она. — А где Матвей?

— Он в зале. Готовится к вечерней практике. Ты как раз успеваешь. У нас сегодня «танец пустоты».

— «Танец пустоты»? — переспросила Вера. — Это когда ты танцуешь и никто не смотрит?

— Это когда ты танцуешь и никто не оценивает, — поправила Лиза. — Разница принципиальная.

Вера хотела ответить. Но промолчала. Потому что в конце коридора, за приоткрытой дверью, кто-то начал бить в бубен. Медленно, ритмично. Звук был мягкий, но настойчивый. Как будто кто-то звал. Или предупреждал.

Лиза взяла её рюкзак.

— Пойдём. Он ждёт.

Вера шагнула за ней. Пол скрипнул в знакомых местах. Запах ладана стал гуще. Где-то в глубине здания кто-то засмеялся — коротко и неожиданно. Вера подумала: «Ну вот. Начинается». И не поняла, рада она этому или нет.

Сцена 2. Первый ритуал

Зал был большой и гулкий, с высоким потолком и окнами, затянутыми плотной тканью. Вера помнила этот запах: старый паркет, прогретый лампами, воск, пыль и что-то ещё — сладковатое, как подтаявшая карамель. Раньше она думала, что так пахнет «духовность». Теперь понимала: так пахнет помещение, которое проветривают редко, а убирают часто — но без фанатизма.

Люди уже собирались. Человек двадцать, разного возраста, в мягкой одежде, без обуви. Кто-то сидел на полу, поджав ноги, кто-то стоял у стены, разминая плечи. Никто не разговаривал громко. Голоса были приглушённые, как в библиотеке. Вера сняла ботинки, поставила их у входа, рядом с чужими сандалиями и кроссовками. Пол был холодный. Она почувствовала его ступнями — гладкий, чуть шершавый, с царапинами от передвинутой мебели.

Матвей стоял в центре зала. Не на сцене — сцены не было. Просто стоял, опустив руки, в белой рубахе и тёмных штанах. Босиком. Вера посмотрела на него и отметила: постарел. Не лицом — лицом он был всё тот же, гладкий, с аккуратной бородой, с глазами, которые смотрели чуть мимо. Постарел телом. Плечи стали уже, живот мягче, а в позе появилась тяжесть, которую раньше он умел прятать. Он не увидел её. Или сделал вид.

Лиза подвела Веру к свободному месту у стены.

— Встань здесь. Закрой глаза. Не открывай, пока не почувствуешь.

— Что почувствую?

— Что пора, — сказала Лиза и отошла.

Вера встала. Закрыла глаза. Первые секунды были обычными: темнота, гул в ушах, чьё-то покашливание, скрип половиц. Она знала этот ритуал. «Танец пустоты» — это когда ты двигаешься с закрытыми глазами под барабан, не думая о том, как выглядишь. В основе — простая идея: тело знает, как двигаться, если перестать его контролировать. Она делала это пять лет назад. Тогда ей казалось, что она летит. Сейчас она думала: «Если я сейчас на кого-то наступлю, я извинюсь. И это будет самое честное, что здесь прозвучит».

Бубен начался не сразу. Сначала — тишина, в которой стало слышно, как кто-то шаркает ногой. Потом — удар. Мягкий, ладонью, не палочкой. Потом второй. Третий. Ритм был простой, как сердцебиение, только медленнее. Вера почувствовала, как её собственное сердце начинает подстраиваться. Неприятно. Как будто кто-то взял её пульс и потянул.

Люди вокруг начали двигаться. Сначала осторожно, почти незаметно. Потом смелее. Кто-то задел её плечом. Она не открыла глаза. Кто-то засмеялся — коротко, нервно. Бубен ускорился.

Вера сделала шаг. Потом второй. Тело помнило. Оно действительно помнило — как переносить вес, как не наступать на чужие ноги, как дышать глубже, когда становится тесно. Она

двигалась, и постепенно мысли стали отходить на второй план. Не исчезать — отходить. Как будто кто-то убавил громкость.

И тогда это случилось.

Сначала — холод. Не в зале. В ладони. Правая ладонь стала ледяной, как будто она опустила руку в снег. Вера сжала пальцы. Холод не ушёл. Наоборот — стал чётче, обрёл форму. Как будто в руку вложили маленький камень. Гладкий, тяжёлый, чужой.

Она знала этот камень. Пять лет назад он тоже был. Тогда она не поняла, что это. Теперь поняла слишком хорошо.

Страх. Не её. Чей-то ещё.

Она открыла глаза. Никто не смотрел на неё. Люди двигались, кто-то с закрытыми глазами, кто-то с приоткрытыми, как в полусне. Матвей стоял у стены, скрестив руки, и смотрел в пол. Лиза сидела на подушке в углу, и её браслеты тихо позвякивали в такт бубну.

Вера опустила взгляд на свою ладонь. Ничего. Кожа как кожа. Но холод остался — и вместе с ним пришло знание. Не мысль. Не догадка. Просто знание, такое же ясное, как цвет неба: **кто-то в этом зале боится темноты**. Не сейчас. Вообще. С детства. Боится так, что спит со светом.

Вера сжала кулак. Разжала. Холод медленно уходил, как вода из трещины. Она огляделась — и вдруг увидела её. Женщина лет сорока, у окна, двигалась чуть более скованно, чем остальные. Глаза закрыты. Дыхание сбито. На секунду она остановилась, и Вера увидела, как её плечи дёрнулись, как будто она хотела обернуться, но заставила себя не оборачиваться.

Вера отвела взгляд. Сердце билось чаще, чем позволял бубен.

«Это не дар, — подумала она. — Это проекция. Я вижу людей, которые выглядят испуганными, и придумываю им страх. Это называется эмпатия. Или паранойя. Или и то и другое».

Она почти поверила. Почти.

Бубен остановился. Резко, на полутакте. В зале стало тихо. Люди замерли, кто-то покачнулся, кто-то открыл глаза. Вера тоже открыла — и встретилась взглядом с Матвеем. Он смотрел на неё. Не мимо. Прямо. И в его глазах было что-то, чего она не ожидала: не торжество, не любопытство. Что-то похожее на жалость.

Он отвёл взгляд первым.

— Спасибо, — сказал он. Голос был тихий, но в тишине зала звучал громко. — Спасибо всем. Если вы чувствовали чужую боль — не пугайтесь. Это ваш дар. Если вы чувствовали свою — тоже не пугайтесь. Это тоже дар. А если вы ничего не чувствовали — вы просто устали. Это пройдёт.

Кто-то засмеялся. Матвей улыбнулся — коротко, уголком рта.

— Завтра у нас «кричащая медитация». Не пугайтесь названия. Кричать в подушку — это не про агрессию. Это про то, чтобы наконец услышать себя. Или не услышать. Тоже вариант.

Люди начали расходиться. Вера стояла у стены, не двигаясь. Ладонь всё ещё помнила холод. Женщина у окна прошла мимо, и Вера почувствовала, как от неё пахнет лавандой и чем-то кислым, как от страха. Женщина улыбнулась ей — вежливо, пусто — и вышла.

Лиза подошла.

— Ну как?

— Как что?

— Первый раз за пять лет. Как ощущения?

Вера посмотрела на неё. Лиза улыбалась. Мягко. Принимающе. Как человек, который точно знает, что ты сейчас чувствуешь, и хочет, чтобы ты об этом рассказала.

— Как будто я снова в комнате, где слишком много людей и слишком мало воздуха, — сказала Вера.

Лиза кивнула.

— Это нормально. Первый раз всегда так. Тело вспоминает.

— Тело вспоминает, — повторила Вера. — А ты не думала, что тело иногда вспоминает то, что лучше бы забыть?

Лиза не ответила. Просто взяла её за руку — легко, как берут ребёнка, — и повела к выходу.

— Пойдём. Ужин. У нас сегодня суп из тыквы и разговоры о том, кто как провёл день. Ты можешь не рассказывать. Но лучше рассказать. Это тоже часть практики.

— А если я расскажу, что чувствовала чужой страх?

Лиза остановилась. Обернулась. Улыбка на секунду стала другой — не мягкой, а внимательной, как у врача, который услышал симптом, которого не ждал.

— Тогда, — сказала она медленно, — Матвей захочет поговорить с тобой. Отдельно.

Она снова улыбнулась и пошла дальше.

Вера шла за ней и думала: «Вот и всё. Я в игре. Только правил мне не сказали»

Сцена 3. Встреча с Матвеем

Кабинет Матвея был маленьким и неожиданно обычным. Не храм, не келья — скорее кабинет психолога, который перестал принимать клиентов, но не выбросил мебель. Стол из светлого дерева, два стула, книжный шкаф с книгами, корешки которых были потрёпаны, а названия — знакомы Вере по университету. На подоконнике — кактус. Не политый, ссохшийся, но живой. На стене — картина: размытое поле, серое небо, одинокая фигура вдалеке. Вера посмотрела на неё и подумала: «Кто-то купил это на ярмарке. Или им подарили. И они повесили, потому что надо было что-то повесить».

Матвей сидел за столом. Перед ним — чашка с чаем, блокнот и ручка. Он не встал, когда она вошла. Только поднял глаза — и снова это странное ощущение: он смотрел не в глаза, а чуть мимо. В плечо. Или в воздух рядом.

— Садись, — сказал он.

Вера села. Стул оказался жёстким, с прямой спинкой. Она положила руки на колени, чтобы не скрещивать их на груди. Скрещенные руки — это защита. Она не хотела, чтобы он видел, что она защищается.

Матвей молчал. Смотрел на неё — или мимо неё — и молчал. Вера тоже молчала. Она знала эту игру: кто первый заговорит, тот и раскрылся.

Тишина длилась долго. За окном кто-то пронёс ящик — Вера слышала, как он стукнул о косяк. В коридоре Лиза кому-то говорила: «Нет, не сегодня. Завтра после практики». Где-то капал кран. Матвей не двигался.

Вера не выдержала первой. Ненавидела себя за это, но не выдержала.

— У тебя кактус сохнет.

Матвей посмотрел на кактус. Потом на неё.

— Знаю. — Он сделал глоток чая. — Я его поливаю. Раз в месяц. Может, реже.

— Кактусы не требуют много воды.

— Люди тоже. Но мы всё равно поливаем. На всякий случай.

Вера фыркнула. Сама не ожидала.

— Это из твоего поста? — спросила она. — «Мы поливаем людей на всякий случай, хотя они кактусы»?

Матвей нахмурился. На секунду — искренне, по-настоящему.

— Не помню. Может быть. Я много писал.

Он открыл блокнот. Полистал. Вера увидела строчки — быстрые, неровные, с зачёркиваниями. Между двумя абзацами было написано: «Не забыть купить хлеб». Она хотела сказать что-нибудь злое про хлеб и путь. Но не сказала. Потому что заметила другое: блокнот был старый. Обложка потёртая, страницы пожелтели. Он носил его годами.

— Зачем ты приехала? — спросил Матвей, не поднимая глаз от блокнота.

— Изучить практики. Я же писала в заявке.

— Вера.

Он поднял глаза. Теперь смотрел прямо. И в этом взгляде не было ни тепла, ни холода. Просто вопрос.

— Зачем?

Вера выдохнула. Медленно. Она знала, что если соврёт, он почувствует. Не мистически — просто как психолог. Он всегда чувствовал ложь. Это был его настоящий дар, а не то, что он продавал.

— Я хочу понять, что со мной было, — сказала она. — Пять лет назад. Я уехала и убедила себя, что это была ошибка. Что вы все — секта. Что я спаслась. Но я не спаслась. Я просто перестала об этом думать. А оно не перестало.

Матвей кивнул. Медленно. Как будто ждал этих слов.

— И что ты хочешь найти?

— Не знаю. Может, объяснение. Может, подтверждение. Может, повод написать ещё одну статью.

— А может, — сказал Матвей тихо, — ты хочешь понять, почему до сих пор чувствуешь чужой страх?

Вера замерла. Ладонь снова похолодела. Она сжала пальцы.

— Кто тебе сказал?

— Никто. — Он откинулся на спинку стула. — Ты вошла и сразу посмотрела на правую руку. Как будто ждала, что она что-то сделает. Люди так смотрят на руку, когда она их пугает.

— Или когда у них экзема.

— Или когда у них экзема, — согласился Матвей. — Но у тебя не экзема.

Он взял чашку. Сделал глоток. Поставил обратно. Вера смотрела на его руки. Пальцы длинные, с обкусанными ногтями. Не гуру. Человек, который забыл, где оставил ключи.

— Ты знаешь, что это? — спросила она.

— Я знаю, что это бывает. Не у всех. У некоторых. Это не дар и не проклятие. Это как слух. У кого-то абсолютный, у кого-то нет. Но если он есть — его слышно всегда. Даже когда не хочешь.

— И что с этим делать?

Матвей посмотрел на неё. Долго. Потом улыбнулся — впервые за весь разговор. Улыбка была усталая, но настоящая.

— Ты спрашиваешь у меня? Ты же исследователь. Ты должна знать.

— Я знаю, что пишут в учебниках. Там написано: «проекция», «эмпатия», «гиперчувствительность». Но в учебниках не написано, что делать, когда ты чувствуешь чужой страх в ладони. Как камень.

Матвей молчал. За окном снова стукнул ящик. Кран капал.

— Я не знаю, что с этим делать, — сказал он наконец. — Я знаю, что с этим можно **жить**. Если перестать бояться. Или если начать бояться поменьше. У меня не получилось.

— А что получилось?

— Получилось построить место, где люди могут бояться вместе. Это не мало.

Вера посмотрела на него. И вдруг увидела — не гуру, не манипулятора, не «просветлённого». Человека, который нёс что-то тяжёлое и не знал, куда это поставить. И построил на этом бизнес. Не потому что злой. Потому что не знал, как иначе.

— Ты продаёшь пустоту, — сказала она.

— Я продаю пространство для пустоты. Это другое.

— Чем?

— Тем, что пустота бесплатна. А пространство — нет. За него надо платить. Иначе люди не придут. Они не ценят то, что даётся даром.

Вера засмеялась. Коротко, неожиданно для себя.

— Это самое честное, что я здесь услышала.

— Не привыкай, — сказал Матвей. — Я редко бываю честным. Это плохо для бизнеса.

Он закрыл блокнот. Убрал ручку. Посмотрел на неё — теперь прямо, без «мимо».

— У меня есть предложение.

— Работа в культе?

— Не называй так. — Он поморщился. — Я предлагаю тебе вести группу. Оклад, проживание, соцпакет. Официально — «ведущая практик». Фактически — преемница. Я устал, Вера. Я не могу тянуть это один. Лиза — администратор, она не тянет. А ты знаешь язык. Ты знаешь людей. Ты чувствуешь то же, что и я.

Вера смотрела на него. В горле было сухо.

— Ты предлагаешь мне стать тобой?

— Я предлагаю тебе стать **собой**. Но с окладом.

Она хотела засмеяться. Хотела сказать что-нибудь злое. Про соцпакет, про преемницу, про то, что он предлагает ей работу в месте, от которого она сбежала. Но вместо этого она почувствовала, как холод в ладони стал теплее. Как будто камень, который ей вложили, кто-то подержал в руках и вернул. Не её камень. Но уже не чужой.

— Я подумаю, — сказала она.

Матвей кивнул.

— Подумай. Но недолго. У нас через две недели «великое открытие». Мне нужен человек, который будет стоять рядом. Не Лиза. Лиза будет раздавать брошюры.

Он встал. Подошёл к окну. Стоял спиной, смотрел на кактус.

— И ещё, — сказал он, не оборачиваясь. — Твой брат в третьем корпусе. Комната четыре. Он не знает, что ты здесь. Я не говорил.

Вера встала. Стул скрипнул.

— Почему не говорил?

— Потому что он не ждёт тебя. Он тебя не звал. Если ты придёшь — это будет твой выбор. Не его. И не мой.

Он обернулся. В глазах снова было то самое — жалость. Или усталость. Или и то и другое.

— Он счастлив, Вера. Не разрушай это без причины.

Вера вышла из кабинета. В коридоре пахло ладаном и тыквенным супом. Вера стояла, прислонившись к стене, и смотрела на свою правую ладонь. Кожа как кожа. Ничего.

Но тепло осталось.

Сцена 4. Кирилл

Третий корпус стоял в глубине территории, за залом и столовой. Дорога к нему шла через двор, выложенный бетонными плитами, между которыми проросла трава. Вера шла медленно, считая шаги. Не для того, чтобы что-то понять. Просто чтобы не думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.